

Интервью руководителя следственного управления Кирилла Левита Агентству Бизнес Информации

Руководитель СУ СК РФ по Воронежской области Кирилл Левит: «Борьба с системными нарушениями для нас важнее разовой «акции» на многомиллионную сумму»

Воронеж. 09.02.2017. ABIREG.RU – Эксклюзив – Уже два года пост руководителя Следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области занимает генерал-лейтенант юстиции Кирилл Левит. Его имя связывают с рядом уголовных дел в отношении высокопоставленных чиновников: людей из команды экс-губернатора Орловской области Егора Строева, экс-министра имущественных отношений Хабаровского края

Александра Давиденко и многих других. О том, чего удалось достигнуть за время службы в Воронежской области, о планах на будущее и о взаимодействии с другими правоохранительными органами Кирилл Левит рассказал в эксклюзивном интервью «Абирегу».

– Кирилл Эдуардович, вы занимаете пост руководителя СК по Воронежской области уже два года, что за это время удалось сделать, что изменилось в работе комитета?

– На протяжении двух лет ведомство направляло все свои усилия на интенсификацию работы, и в 2016 году коллектив показал стабильный рост показателей. Если сравнивать статистику 2016 и 2015 годов с 2014-м, то можно отметить рост по многим позициям в среднем на 25-30%. Наиболее позитивных результатов удалось достичь в вопросах возмещения ущерба, причиненного преступлениями. Так, по итогам 2014 года сумма возмещенного ущерба на стадии следствия составила чуть более 30 млн рублей, в 2015 году – около 130 млн рублей, а в 2016 году – уже почти 230 млн рублей. При этом в целях обеспечения решения суда был наложен арест на имущество обвиняемых на сумму более 112 млн рублей, что превышает показатели 2015 года в 11 раз (для сравнения в 2015 году – 9 млн). В том числе по налоговым делам сумма возмещения составила около 120 млн рублей. Основная задача для нас – это максимальное приближение работы к интересам общества и государства, мы ориентированы в первую очередь на полезность, а не статистику. Но в деятельности правоохранительных органов всегда есть цифровая составляющая, другого объективного способа оценить работу не существует. Однако при рассмотрении экономических преступлений реальная картина будет далека от цифр. Например, ранее мы расследовали факты коммерческого подкупа, когда фиктивные справки выдавались за вознаграждение в размере 1-3 тыс. рублей. Это явление носило массовый характер, а каждый факт – это новое преступление, вот и получались достаточно высокие статистические показатели. Сейчас мы отказались от этой системы, и ушли от видимого благополучия к реальному результату – возмещению ущерба. Теперь в среднем на 100 преступлений экономической направленности расследовано меньше, но при этом растут действительно важные показатели. Сейчас ведомство использует свои критерии оценки эффективности работы – количество окончанных и направленных в суд дел, сроки и качество расследования, суммы возмещенного ущерба и др.

– Каких проблем и ошибок, совершенных в прошлом, хотелось бы избежать в 2017 году?

– В 2016 году имели место шесть фактов незаконного привлечения к уголовной ответственности: допускать такое мы не имеем права. Сейчас занимаемся глубоким анализом причин. Я считаю, что от оправданий и незаконных привлечений по уголовным делам в идеале необходимо избавиться вообще или свести их количество к минимуму. В 2014 году таких дел было 17, но результаты 2016 года все равно не предмет гордости. Привлечение к уголовной ответственности – это существенный репутационный удар по человеку. Такое решение

возможно только при наличии доказательств, позволяющих направить уголовное дело в суд, либо прекратить его по не реабилитирующим основаниям. Качество расследования тоже есть куда повышать: в 2016 году 36 дел получено от прокуроров на доследование, в 2014 году таких дел было 54. Также 13 дел возвращено прокурору судом по ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий рассмотрения, а это тоже процессуальный брак и его надо ликвидировать. Несмотря на все сложности, из 83 регионов России мы стабильно держим от 30 до 40 места. Одна из основных целей на 2017 год – закрепление результата по возмещению ущерба. Также необходимо минимизировать брак в работе. И конечно – сосредоточиться на работе с коллегами из оперативных служб и прокуратуры на системных направлениях, где есть максимальная угроза от коррупции. Если на этих направлениях мы сможем улучшить свою работу, год пройдет удачно.

– Вы упоминали, что ваше ведомство работает на давальческом сырье, получается, что вы зависите от других правоохранительных органов. Как организуете взаимодействие?

– Следственный комитет не располагает оперативными возможностями. Производство оперативных мероприятий – это прерогатива МВД и ФСБ. Наше ведомство активно участвует в организации взаимодействия с другими структурами. Когда я пришел в 2014 году, мы сразу провели большое совещание, на котором определили ключевые позиции сотрудничества и его организацию. Каждый руководитель понимает, что мы работаем не на себя, а на общий государственный интерес, поэтому наши амбиции направлены в правильное русло и проблем при взаимодействии не возникает. Я знаю четко, что я должен делать в той или иной ситуации с точки зрения интересов государства, и я это делаю. Такой же позиции придерживаются и коллеги из других ведомств. Бывают моменты, когда мы не срабатываем, либо срабатываем плохо, проблемы бывают в любой работе, но главное, что мы не конкурируем и не перекладываем ответственность друг на друга, всегда стараемся разобраться в сложившейся ситуации сообща и сделать должные выводы.

– После вашей работы в Орле сообщество ожидало громких коррупционных дел, есть какие-то наработки?

– У нас есть громкие дела по коррупции, но давайте их доведем до суда, а потом уже будем о них говорить. В СМИ появляется огромное количество публикаций, кажется, что все: коррупция захлестнула область. Начинаешь разбираться по существу – 80% этой информации построено на домыслах, для следствия доказательств нет и получить их невозможно. Если есть конкретные доказательства, то никто не сможет «решить вопрос» и сделать так, чтобы уголовное дело не дошло до суда. Например, на дорогах области действовала коррупционная группа из 20 человек, которая получала взятки от водителей большегрузов за возможность проезда (речь идет о «группе Жозефа Еркнапешяна, в которую входили сотрудники регионального управления Госавтодорнадзора – прим. «Абирега»). Благодаря целенаправленной работе ФСБ и наших следователей дело сейчас находится на завершающей

стадии расследования. Такая же ситуация в Фонде капитального ремонта области (дела бывших замов руководителя фонда – Михаила Гольцова и Вадима Коробкова – прим. «Абирега»). Есть частные случаи совершения преступлений, а есть системные. Ликвидация системных правонарушений для нас важнее, чем разовая красивая «акция» на миллионную сумму. Мы работаем на результат, а не на создание информационных поводов.

– При избрании меры пресечения по экономическим преступлениям часто ли применяется лишение свободы?

– По чисто экономическим составам мало кто оказывается в СИЗО. Правительство требует избирать более мягкие меры пресечения для людей, проходящих по данной категории дел. Связано это с тем, что правоохранительные органы прямо или косвенно могут быть использованы в экономических разборках. На мой взгляд, если речь идет о коррупционных преступлениях, либо о прямом причинении ущерба бюджету – тут любая мера пресечения не будет излишней, а если говорить о преступлениях в предпринимательской сфере – нет необходимости содержать человека в СИЗО. Что касается налоговых преступлений, то в соответствии с требованиями действующего законодательства уголовное дело подлежит прекращению, если лицо, впервые совершившее преступление в данной сфере, полностью возместило ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации. Так, в 2016 году – 17 уголовных дел прекращены следователями в связи с возмещением ущерба, в суд ушло только шесть. Мы стараемся действовать методом убеждения.

– И как часто ведомство пытаются использовать в конфликтах или конкурентной борьбе? Как вы выстраиваете свое поведение в таких ситуациях?

– Следственный комитет как стрелка в компасе, которая всегда показывает на север – мы не вникаем в вопросы, кто с кем борется и почему, ориентируемся лишь на наличие или отсутствие состава преступления. Может быть, я не исключаю, в каких-то случаях наша работа неосознанно оказывается в чьих-то интересах, но такого, чтобы кто-то ко мне пришел и сказал: «Надо разобраться с субъектом предпринимательства А в интересах субъекта Б», – никогда не было. При поступлении материалов, в которых просматриваются схемы экономических преступлений, мы делаем упор на работу с составами, где ущерб причиняется государству и бюджетным организациям. По своей сути наша работа проста: есть ориентир – уголовный кодекс; есть доказательства – направляешь дело в суд, нет доказательств – хоть расшибись, либо прокурор вернет дело, либо суд оправдает. Поэтому могу сказать, что меня никто не использует, я использую ситуацию, чтобы привлечь к ответственности виновных и обеспечить экономическую безопасность государства. Коллектив так же настраиваю.

– Но в некоторых случаях вина тех или иных лиц в уголовных делах очевидна...

– Да, по-человечески мне тоже многие вещи очень даже понятны, но как следователь я могу оперировать только полученными доказательствами. В идеале наша работа предполагает

полное игнорирование всего человеческого. Я имею право выдвигать различные версии и отрабатывать их, но если доказательств нет, то обвинения в чей-то адрес несостоятельны. Мы имеем дело с фактами, которые были в прошлом и происходили не под контролем оперативных служб. Если бы мы встроились в каждый общественный процесс, было бы проще, но тогда бы мы превратились в полицейское государство с тотальным контролем. Так дойдем и до того, что презумпцию виновности захотим ввести, чтобы человек сам доказывал, что не виноват. Нет, мы живем в правовой системе, соответствующей демократическим стандартам, поэтому должны оперировать только доказательствами, полученными в соответствии с требованиями действующего законодательства. И мне может быть сто раз обидно по каким-либо вопросам, но как следователь я оцениваю материалы только с точки зрения наличия или отсутствия доказательств.

– В самом начале службы в регионе вы говорили, что у местных следователей низкое качество работы, какой кадровой политики вы придерживаетесь, проводили ли «чистку» рядов?

– В проведение «чисток» необходимости не было и нет, кадры – это наша главная беда. За прошлый год у нас сменилось 33% следователей. Вы понимаете масштаб нашей катастрофы – это треть работников, 100% обновление следственного состава происходит за три года. Эти же три года нужны для того, чтобы молодой следователь стал профессионалом, которому можно доверить расследование дела. В основном многие ломаются в течение первого года. Тем не менее, состав отделов по расследованию особо важных дел и городских отделов более-менее стабилен. Сильный процесс вымывания кадров идет на территории области, где за год на одной должности могли побывать 2-3 человека. Работа очень сложная, в неделю, как минимум, два происшествия, следователь выезжает на место и пока не произведет процессуальное задержание, а то и арест, он по этому делу работает, сутки, двое, не останавливаясь. Женщины хорошо проявляют себя на службе, но они уходят, потому что с таким режимом невозможно совместить работу и личную жизнь. Состав сотрудников, занимающихся экономическими преступлениями, не менялся несколько лет, все работники подобраны еще прежними руководителями. Также создан отдел для расследования налоговых преступлений, в состав которого вошли пять человек. Этих людей подбирал экс-заместитель руководителя Михаил Мокшин (ныне замруководителя следственного управления СК РФ по Камчатскому краю – прим. «Абирега»), к ним нет и не было вопросов относительно качества их работы. Появилась информация, что генеральный прокурор РФ Юрий Чайка и глава СК Александр Бастрыкин обратились к президенту с предложением выделить средства для субсидирования приобретения жилья. В отличие от полиции и военных, для комитета и прокуратуры не предусмотрено приобретение жилья в собственность. На время работы предоставляется квартира, служба закончится – куда идти? При условии наличия собственного жилья следователь будет понимать, ради чего он проводит жизнь на работе.

– Как следственный комитет реагирует на прессу и проверяет ли сообщения в СМИ о признаках состава преступления?

– Мы действуем в соответствии с требованиями закона – сообщение СМИ, содержащее данные о признаках преступления, подлежит регистрации и проведению проверки. Большинство публикаций на криминальную тему СМИ получают от нас, МВД или ФСБ. Обычно на момент представления информации проверки уже проводятся и даже уголовные дела возбуждены. Бывает ситуации, когда появляются сообщения о неизвестных нам фактах, тогда составляем рапорт об обнаружении признаков преступления. В прошлом году у нас зарегистрировано девять сообщений СМИ, по этим материалам проводились процессуальные проверки. По трем публикациям были возбуждены дела, по четырем приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, по двум – переданы по подследственности. По экономическим преступлениям СМИ редко что-то узнают раньше правоохранительных органов, как правило, вся информация уже есть у нас из другого источника.

– Государство ужесточает свои позиции в борьбе с обналичиванием и легализации денежных средств, есть какие-то успехи в этом направлении?

– Тема с «обналичкой» не совсем наша, она полицейская. Легализация денежных средств всегда привязана к экономическому составу, но с этой статьей (ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» – прим. «Абирега») в том виде, в котором она существует в кодексе, ее трудно доказывать. Нарботки в нашем ведомстве есть, может быть в этом году и выстрелим чем-нибудь в плане легализации. Мы занимаемся незаконным возмещением НДС из бюджета: в производстве следователей находится целый ряд данной категории уголовных дел.

– Некоторое время областной суд существует без председателя, вызывает ли это сложности в работе комитета? Есть у вас пожелания к кандидату?

– У меня есть пожелание, чтобы председатель ориентировал судей на то, чтобы нам прощали процессуальные ошибки, которые мы совершаем (смеется). На самом деле прямого управленческого воздействия со стороны председателя суда на судебную систему нет и быть не может. Каждый судья, от имени Российской Федерации, волен сам принимать решение в соответствии со своим внутренним убеждением о доказанности. Так что какие-нибудь концептуальные вопросы судебной практики проще бы решались при наличии председателя областного суда, но сказать, что его отсутствие сказывается на качестве работы всей судебной системы нельзя.

– В этом году следственный комитет совместно с ФСБ провел антикоррупционную кампанию среди адвокатов. Всех из «зеленого блокнота» задержали?

– Никакой сознательной акции по «посадке» адвокатов мы не проводили. Что греха таить, существование «решал» в адвокатской среде – старая проблема. Антикоррупционная политика государства сформировала у работников правоохранительной системы новое понимание этой ситуации. Если раньше любого с коррупционным предложением просто выставляли за дверь,

то теперь сотрудники понимают, что такие факты надо документировать. А если у кого-то не сформируется такого убеждения – они сами станут фигурантами уголовных дел. В конце декабря к нашему работнику с коррупционным предложением обратился адвокат, следователь в соответствии с инструкциями написал рапорт на руководителя, тот передал его мне, подключились сотрудники по вопросам собственной безопасности управления и оперативные службы ФСБ, вот он результат.

– При расследовании уголовного дела с незаконной приватизацией земельного участка под яблоневым садом велась ли работа с «Выбором»?

– Мы занимаемся самой процедурой реализации этого участка, признаки состава преступления нами установлены. Как оценить действия «Выбора»? Мы конечно спрашиваем – «Вы понимаете, какая рыночная стоимость этого участка? – «Понимаем. Нам предложили мы купили». Следственный комитет разрабатывает тех лиц, которые принимали непосредственное участие в процессе незаконной приватизации. «Спартан» с «Выбором» никак не аффилированы. Сейчас проводится экспертиза стоимости этого участка. Та стоимость, которую мы указывали при возбуждении уголовного дела – ориентировочная. Теперь к этому вопросу надо подходить детально и определить стоимость участка в разное время, так как приватизация началась в одном периоде, «Спартан» приобрел его в другом, перепродан он в третий. Эта проблема мешает расследованию многих экономических преступлений, ведь экспертиза дает данные о сегодняшней рыночной цене объекта, но ни одна экспертиза не даст точный вывод о стоимости того же участка 5 лет назад.

– Не осталось ли у вас неприятного осадка от результатов рассмотрения дела Владимира Кулакова?

– Я результатом расследования данного уголовного дела удовлетворен. По большому счету решение, принятое в условиях такого жесткого противодействия на протяжении всего времени – это свидетельство того что, обвиняемые лица приняли позицию следствия. Мы предъявили обвинение и считаем, что вина и Владимира Кулакова, и Сергея Наумова была доказана. Решение о прекращении – это формальная сторона. Редко какое дело, связанное с должностными лицами, в итоге кончается хотя бы признанием наличия состава преступления. Так что можно сказать, что это определенная победа. Конечно, приговор суда был бы более значимым с точки зрения общественного резонанса, но и прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям меня устраивает. Обвиняемыми и их защитниками было сделано все для того, чтобы расследование этого дела приняло затяжной характер. Этого результата они и добились и, безусловно, нас переиграли. Со стороны Следственного комитета были приняты исчерпывающие меры, чтобы этого не произошло. Но в системе завязаны не только мы, но и другие инстанции, и результат на сегодня таков.

– Завершена ли экспертиза попытки осушения озера Круглое в Рамонском районе?

Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Воронежской области

– По делу о сливе озера Круглое у органов предварительного расследования пока нет результатов экспертизы. Зато появились новые возможности: следственный комитет запросил у «Роскосмоса» материалы со спутников на необходимую дату. Теоретически, при хороших погодных условиях и ведении в этот день космической съемки, может быть мы увидим даже момент совершения преступления. По данному уголовному делу выполнен большой объем работы, допрошено свыше 200 свидетелей, назначены необходимые экспертизы, проводятся иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление лиц, совершивших данное преступление.

10 Февраля 2017

Адрес страницы: <https://voronezh.sledcom.ru/news/item/1100244>